

Светлана Петрищева

Прощение

16+

Светлана Петрищева

Прощение

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Петрищева С.

Прощение / С. Петрищева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Человек создан для счастья. Это правда. И если что-то в жизни идет не так, все равно нужно верить, что счастье тебя обязательно найдёт, где бы ты ни был. Ирина это теперь твёрдо знает. Узнаете и Вы, прочитав эту книгу.

Стрелка спидометра медленно и неуклонно ползла вправо, слёзы застилали Ирине глаза. Вцепившись в руль, она жала на газ, практически летя по трассе, не замечая, как шарахаются встречные и прижимаются к обочине попутные машины. Перед глазами стоял мужчина, проживший с ней целых три года, которого она считала практически мужем. Пряча глаза, он говорил чужим голосом слова, которые падали тяжёлым камнем на сердце: "Я люблю другую. У нас будет ребенок." От этого воспоминания Ирине хотелось выть. Внезапно в голове возникло видение разбитой машины и её неподвижного тела. Осознав, что близка к этому, она резко нажала на тормоз. На влажной, после короткого дождя, дороге машину занесло. Ирина испугалась, но постаралась справиться с ситуацией, как её учили на занятиях по вождению. Остановив машину, она упала лицом на руль и зарыдала. Слёзы катились безостановочно, но она не вытирала их, ощущая себя настолько несчастной, что не хотелось жить. В то же время пришел настоящий страх оттого, что чуть было не разбилась, и от этого становилось еще горше. Вдруг распахнулась дверь водителя, и какой-то мужчина стал её трясти, спрашивая тревожным голосом, как она себя чувствует. Ирина, захлёбываясь в рыданиях и икая, не могла ответить ничего вразумительного. Тогда мужчина стал ощупывать её руки, ноги, голову. От возмущения Ирина сначала онемела, потом заорала не своим голосом:

– Не трогайте меня, а то застрелю!

Облегчённо вздохнув, мужчина засмеялся:

– Ну слава Богу, а то я думал, что у Вас инфаркт или что умереть хотите!

– С чего вдруг?– подозрительно спросила Ирина.

– Вы так ехали быстро, как будто на тот свет торопились. Хорошо, что сейчас встречных не много было.

Снова осознав, что с ней произошло, Ирина заплакала:

– Даже если и так,– давась слезами, ответила она,– Вам какое дело?

– Да, собственно, никакого, просто профессиональная привычка.

– А Вы врач?– думая о своём, спросила она.

– Был практикующим врачом когда-то, сейчас больше администратор и психолог.

– Вы клиентов на дороге отлавливаете?– попыталась уколоть его Ирина.

– Нет, они сами ко мне приходят, у меня обширная практика, в основном, для состоятельных людей,– отбил он удар.

– Тогда что Вы здесь делаете, рано утром на дороге?– поинтересовалась Ирина.

– Еду на дачу, сегодня суббота, хотел пораньше туда попасть, до жары и пробок. Вдруг вижу- табуретка мчится, думал, что-то стряслось, а тут всего лишь истерика.

От обиды за машину у Ирины высохли слезы:

– Она не табуретка, хоть маленькая, да удаленькая. И красивенькая. И не истерика у меня,– снова скривилась от плача она,– у меня жизнь рушится. И вообще: поезжайте дальше, на дачу, море, куда хотите. И оставьте меня в покое.

Она повернула ключ в зажигании, но реакции не последовало. Снова и снова она поворачивала ключ, но всё было бесполезно. Посмотрев на датчик топлива, она поняла, что совершенно забыла о заправке. Снова опустив голову на руль, она представила, что придется стоять здесь вечно, пока через сто лет кто-нибудь не сжалится над старушкой и не даст топлива.

Стоящий возле машины мужчина с интересом смотрел на её страдания. Наконец отошел к своей машине. Ирине стало ещё горше оттого, что он даже не спросил, нужна ли ей помощь. Громко высморкавшись, она вытерла слёзы. Внезапно увидела, что от стоявшей впереди машины тот самый мужчина тянет трос, чтобы прицепить её малютку.

– Что Вы делаете?– слабым голосом спросила она.

– Пытаюсь помочь, как обычно.– ответил, отдуваясь, мужчина.

Теперь Ирина его рассмотрела: он был невысок, полноват, староват, с лысиной на темечке. В герои-любовники не годился, значит, можно воспользоваться его помощью.

– Вы отвезёте на заправку?

– Я отвезу Вас к себе на дачу, заправок здесь рядом нет, а я спешу.

– Но я не хочу на дачу,– возмутилась она,– я не такая.

– Я тоже не такой,– спокойно ответил он, – просто у меня нет времени с Вами расшаркиваться, оставлю на даче, потом привезу бензин.

– Лучше оставьте меня здесь,– неуверенно сказала Ирина.

– Ещё чего, чтобы на Вас напал маньяк, а я потом чувствовал свою вину. Нет уж, сам нашёл, сам спасу. К тому же, надо посмотреть, не сломалась ли машина от ваших причуд. Держитесь за руль лучше и не зевайте по сторонам.

Не найдя достойного ответа, Ирина кивнула и захлопнула дверь. По-видимому, на данный момент это был лучший выход из ситуации.

До дачи оказалось недалеко: каких-то пара километров. Припарковавшись у миленького домика с голубыми ставнями, мужчина вышел из машины, вынул из неё сумку, убрал трос в багажник и обернулся к Ирине, крепко сжимающей руль.

– Что это Вы сидите? Выходите. Я сейчас поеду на заправку, а Вы приготовьте завтрак, если, конечно, умеете.

– Умею,– пискнула Ирина.

– Да не бойтесь, я не ем маленьких девочек, и не истязую их. И Вас не трону, возраст и мораль не позволят. Чайник в доме на плите, еда в сумке, масло в холодильнике на веранде. Вот ключ, поворот от себя. Располагайтесь, я поехал.

– А деньги?– неуверенно спросила Ирина.

– Отдадите по приезду, я не знаю, сколько здесь стоит бензин.

Повернувшись, он сел за руль. Уже выезжая, он опустил стекло и, весело улыбаясь, спросил:

– Как хоть зовут-то Вас, нежданчик?

– Ирина,– ответила она.

– Ирочка, значит. А меня Владимир Петрович. Будем знакомы!– и выехал в сторону трассы.

– Приятно познакомиться,– запоздало ответила Ира.

Оглядевшись вокруг, она удивилась обилию цветов вместо овощей. Видимо, хозяева не для работы на дачу ездят, а просто отдыхать. На крыльце стоял старенький шезлонг, рядом – столик, на нем ваза с увядшими цветами.

Открыв дверь, она вошла в дом, неся оставленную сумку. Веранду заливал солнечный свет, окна были огромные, почти во всю стену. Возле умывальника располагалась плита, рядом с ней – столик для приготовления пищи, в углу урчал холодильник. Вся обстановка, включая маленький диванчик, табуретки и книжные полки во всю стену были тоже старые, ещё советских времен. Ира открыла холодильник, достала сливочное масло. Кроме него, там стояли крупы в полиэтиленовых пакетах и мука.

– Наверное, здесь есть мыши,– вслух сказала Ира.

Посмотрев на себя в зеркальце над умывальником, она ужаснулась своему виду: опухшее лицо, глаза-щелочки, размазанная тушь.

– Да, никакой маньяк и не приблизится ко мне, испугается. Похоже, в таком виде я бы ждала помощи до морковкина дня,– констатировала она и подошла к умывальнику.

Умывшись, вытерлась тыльной стороной руки, но этого оказалось недостаточно. Махнула рукой – "высохну" и пошла за сумкой, которую оставила у двери. В сумке лежали пакетики, которые она выложила на стол. Разворачивая их, она почувствовала, что дико голодна, тем

более, что запахи были такие, что у неё желудок сворачивался в трубочку. Из тумбы возле стола она достала тарелки и разложила снедь. Не утерпев, схватила котлету, и, воровато оглядываясь, съела за один присест. Быстро запив водой из бутылки, почувствовала себя лучше. Теперь можно было нарезать салатик из привезенных овощей, видимо, купленных на рынке, так как пахли они по-настоящему. Ира поискала столовые приборы и, найдя, выбрала нож, похожий на японскую катану. Хмыкнув, удивилась странной форме, но нож оказался отличным. Она споро нарезала огурцы, помидоры, перец, зелень, добавила соль. Не найдя майонеза, полила маслом из бутылки, предварительно понюхав его, оценивая запах. Масло было нерафинированным, пахло просто замечательно. Перемешивая салат, Ира гадала, зачем её сюда занесло и чего дальше ждать. Хозяин дачи на маньяка не похож, и, судя по поведению, явно не клеил её. Что же скрывается за его помощью? В бескорыстие Ирина не верила, хотя он вроде логично объяснил свой поступок. Теряясь в догадках, она накрывала на стол, кипятила чайник, расставляла тарелки и приборы. Когда подъехала машина, у неё уже все было готово: в тарелках налита окрошка, котлеты высились аппетитной горкой, золотилась запечённая картошка, салатик выглядел на пять с плюсом. Здесь же стояли блины, а в графинчик, найденный случайно, налит морс. Вошедший хозяин, оценив натюрморт, прицокнул языком:

– Я, оказывается, есть хотел. Как всё аппетитно, даже завидно.

– Кому завидовать?– удивилась Ира.

– Да себе. Сейчас как наемся!

– А почему так много еды?– запоздало спросила она,– Вы сюда на неделю?

– Да нет, просто моя жена не умеет понемногу готовить, всегда как на войну собирает.

Да и раньше сосед здесь жил, как приеду – всегда заходил, беседы вёл, кушал. Вот привычка и осталась на двоих привозить.

Рассказывая, Владимир Петрович быстро помыл руки и уселся за стол, сделав приглашающий жест Ире.

– Не стесняйтесь, Ирочка, присаживайтесь, будем завтракать.

Поколебавшись, она села, взяла ложку и осторожно попробовала окрошку, которую не ела с детства. Это оказалось очень вкусно и она не заметила, как съела все до капли. На салат места в желудке тоже нашлось, но больше она съесть не смогла, как ни потчевал её хозяин.

– Не могу,– отдуваясь отвечала Ира,– я вообще столько никогда не ем, а тут объелась до невозможности. Вот разве что котлетку одну... И блинчик... Но как же всё вкусно,– восхитилась она снова,– Ваша жена такая кулинарка, просто нет слов!

– Да,– усмехнулся хозяин,– этого у неё не отнять. Если бы могла, то весь мир бы накормила.

– А почему она не приехала с Вами?– бестактно лягнула Ира и зажала рот,– простите, это не мое дело.

– Да ничего, просто она дачу не любит, да и некогда ей: по выходным она проводит время с дочерью, ухаживает за ней.

– Она заболела?– спросила Ира.

– Как сказать... Можно я буду обращаться на ты?– внезапно спросил он.

– Да, конечно,– растерялась Ира.

– Так вот, Ирочка, моя дочь, умница, красавица, отличница, пять лет назад закончила МГУ, готовилась к свадьбе с очень хорошим парнем. Перед самой свадьбой они поссорились, она села за руль подаренной мною к окончанию ВУЗа машины и поехала кататься. Шёл дождь, скорость была, по протоколу, слишком большая, машина не вписалась в поворот, перевернулась. И моя девочка,– голос его дрогнул,– моя маленькая девочка, единственная, любимая, разбилась.

– Но она осталась жива?– тихо спросила Ира, ужасаясь перспективе, в которую чуть не попала сама.

– Да, осталась. Она перенесла уже несколько операций. Она не ходит, не говорит, только смотрит своими огромными глазами, но никого не видит. Вот так,— сгорбившись, хозяин закрыл лицо руками.

– А вы её навещаете?— зачем-то спросила Ира.

– Она лежит в моей клинике,— поднявшись со стула, ответил он.— Вижу каждый день и всё время себя корю, что подарил эту машину. Ведь если бы её не было, то всё было бы хорошо.

– Не надо себя упрекать, ведь Вы же не знали, что всё так будет.

– Я должен был предполагать, зная Сонечкин характер. Теперь ничего не вернешь. Поэтому я испугался, видя кульбиты твоей машины.

– А как же жених? Он не чувствует своей вины?— сочувствуя, спросила Ира.— Ведь ссора была?

– Он сказал, что Соня в тот вечер сильно нервничала, раздражалась, он устал её успокаивать и пошел спать, а она сорвалась. Собственно, его вины нет. Он хороший мальчик, – при этих словах Ира фыркнула,— доктор в моей клинике. Год назад женился, у них уже родилась дочь, милая такая малышка, – голос его дрогнул.

– Он что, не любил Соню? Как он мог жениться?— возмутилась Ира, сопереживая неведомой девушке.

– Любил, конечно, но он же живой человек, встретил другую, создали семью. Он просил у меня прощенья за это, я дал своё благословение. Сонечка теперь только нам нужна, пока мы живы, а что будет потом – даже представить страшно. Но я заболтал тебя, обычно я слушаю, а сегодня просто не остановить. Давай теперь займёмся твоей проблемой.

– Ой, что Вы,— собирая со стола, смутилась Ира, почувствовав, что её беды ничто по сравнению с горем этого человека,— всё это глупости, я справлюсь.

– Ну нет, я настаиваю, ты должна выговориться, тогда голова прояснится и тебе будет легче. И потом, я психолог, представь, что ты пришла на сеанс.

– У меня денег не хватит. Кстати, сколько я должна за бензин?— вспомнила Ира.

– Я тебе потом чек отдам,— отмахнулся Владимир Петрович,— не увиливай, давай начинай исповедь, я как священник, тайну сохраняю .

– Давайте попозже, после еды как-то некомфортно исповедоваться, -смутилась Ира.

– Ну хорошо,— неожиданно легко согласился хозяин,— пойдём, я тебе дачу покажу.

Они вышли в сад, пошли по тропинке вдоль забора.

– Этот дом достался мне от отца, отцу – от деда, деду от прадеда, – начал экскурсию Владимир Петрович.— Выглядит он не ахти сейчас, но раньше был даже очень добротный.

Они прошли мимо раскидистых яблонь, усыпанных мелкими плодами, обошли кусты войлочных вишен с кислыми ягодками, которые успела мимоходом попробовать Ира, полюбовались ежевикой и малиной. Историю появления каждого куста и деревца хозяин рассказывал вдохновенно, он знал и любил свое родовое гнездо. Среди зелени Ира увидела симпатичное маленькое строение, раскрашенное в разные цвета, по-видимому, детской рукой. Владимир Петрович вздохнул:

– Вообще-то это туалет, но дочь превратила это в нечто этакое весёленькое, очень уж ей не нравилась обыденность.

Ире нестерпимо захотелось зайти внутрь, но она стеснялась сказать. На её счастье погрузившийся хозяин махнул рукой, мол, смотри дальше сама, развернулся и быстро пошел к дому. Девушка тут же шмыгнула в домик. Внутри всё тоже было разрисовано разными картинками, вокруг были изображения солнышек, звёздочек, кукол, семьи (мама, папа, дочка, держащиеся за руки). Рисунки были трогательно-наивными, у Иры навернулись на глаза слёзы. Сам туалет представлял из себя санузел с настоящим унитазом и теплой, мягкой сидухой. Девушка вспомнила своё детство с удобствами во дворе, сквозняками в туалете и дыркой

посредине, в которую она всегда боялась провалиться. Разница была ощутимой. Ира даже почувствовала лёгкий укол зависти, но тут же одернула себя, вспомнив судьбу Сони. Сделав свои дела, она вышла в сад. Осматривать его дальше было неинтересно. Ира вернулась в дом и застала хозяина возле столика с чайными приборами. Чайник кипел, чай заваривался, от грусти у Владимира Петровича не осталось и следа. Вкусно пахнущие плюшки высились горкой посреди стола. Они пили чай и говорили ни о чем: о погоде, зреющих ягодах, неустойчивом лете. Внезапно он спросил:

– А почему ты ни разу не упомянула своих родителей?

Ирина замерла и замолчала на полуслове.

Подождав несколько минут, Владимир Петрович сказал:

– Они живы?

Она молча кивнула.

– Похоже, у тебя с ними проблемы?– то ли вопросительно, то ли утвердительно сказал он.

Шея Иры как будто задервенела.

– Хочешь поговорить?– голосом психотерапевта спросил он.

Она отрицательно покачала головой.

– Это, конечно, дело твоё, но поверь мне, если ты не сможешь это проговорить, то это будет тебя мучить всю жизнь и влиять на все твои взаимоотношения. Уже, наверное, влияют, – он помолчал, но не дождался ответа.

– Послушай меня, девочка, лучше вскрыть этот нарыв в присутствии врача, который вычистит весь гной, чем он однажды взорвётся, и ты пострадаешь первая.

– У меня не хватит денег с Вами расплатиться,– одервенелыми губами попыталась пошутить Ира.

– Я слишком богат, чтобы гоняться за деньгами, – заметил он,– могу позволить себе благотворительность.

– Не надо,– начала было она, но внезапно расплакалась. Вероятно, сказались события последних часов, а может, атмосфера в доме была слишком тёплой. Ей так не хватало тепла в жизни, она внезапно поняла это.

– Поплачь,– посоветовал ей Владимир Петрович, дав ей в руки салфетку. Несколько минут она рыдала, икая и сморкаясь, потом, обессилив, затихла.

– Ну что, теперь готова рассказать мне всё?– спросил он.

Ира нерешительно кивнула.

– Только я не знаю,– запинаясь сказала она.

– Что?

– Ну, как это бывает: с чего начать надо, как рассказывать....

Оглядевшись, он поманил её рукой:

– Садись в это кресло у окна, положи руки, как удобно. Можешь смотреть в сад, можешь закрыть глаза, а начинать надо с детства. Рассказывай, как будто себе, а я иногда буду тебя направлять. Начни с самого начала, даже если ты не помнишь его, но кто-то тебе всё равно что-нибудь говорил. Не бойся, это только поначалу кажется сложным. Попробуй!

– Я никогда не была на приеме у психолога,– смущенно сказала Ира,– боюсь сказать или сделать что-то не так, заплакать или еще что.

– Всё в порядке, всё когда-нибудь бывает впервые.

Ира глубоко вдохнула, села в кресло, закрыла глаза и начала рассказ.

– Я родилась в деревне, единственная дочь у родителей. Отец был инженером в колхозе, а мать- бухгалтером. Первые годы жизни были безоблачными, – голос Иры дрогнул, она сглотнула комочек и продолжила, – я даже помню, как мы ездили в райцентр, гуляли в парке, ели мороженое, катались на карусели. Я была счастлива, папа меня очень любил, носил меня на

плечах, называл "зайчик". Спать меня укладывали вдвоём, по очереди читали мне книжки на ночь. Мама была такая красивая, голубоглазая, с длинной русой косой и теплыми руками. Мне нравилось, что родители часто целовались, никогда не ссорились, – она помолчала, но справилась с собой. – Потом что-то случилось.... Я до сих пор точно не знаю, что именно, какая-то авария, отец очень сильно пострадал, долго лежал в больнице, мама ездила к нему часто, я оставалась с соседкой. У родителей не было родных, они приехали по распределению с Алтая, и про родственников я ничего не знаю. Потом папа вернулся домой, и счастливая жизнь кончилась... У него были постоянные боли. Я же не понимала ничего, маленькая была, постоянно ластилась к нему, он раздражался, сердился, однажды даже отшвырнул меня, как котенка. Больше я не подходила к нему, недоумевала, почему он так изменился. Он пил много лекарств, но ничего не помогало. Потом кто-то надоумил его, что спиртное помогает лучше. Так начался его путь вниз. Пил он много, каждый день, но пенсии и зарплаты мамы, по-видимому, не хватало. Поэтому он стал делать водку сам. Наш дом превратился в самогоноварильню. Процесс был практически бесконечным, он гнал самогон и тут же пил. Везде стояли фляги, кастрюли с бражкой разной степени зрелости. Вокруг дома стоял постоянный запах самогона, мы все провоняли этим запахом. В школе я так стыдилась отца, поэтому сторонилась всех, домой никогда никого не звала, да никто и не стремился, все знали о нашей жизни, это же деревня. Интересно, что и отец никогда ни с кем не общался, собутыльников у него не было, всегда пил один. Даже если кто-то вдруг захотел бы пообщаться с ним, выпить, то вряд ли бы у него это получилось. Пьяный, отец становился злобным, жестоким, практически сразу стал избивать маму, она постоянно ходила с синяками, но прощала его, жалея. Несколько раз приходил участковый, журил его, тот кивал головой, соглашаясь, неискренно раскаиваясь. Успокоенный, милиционер уходил, но после этого становилось еще хуже. Отец считал, что это мама его "предала" и бил ещё хлеще. Периодически он разговаривал с бутылкой, угрожая, по-видимому, своим бывшим работодателям: "Вот вы где у меня, голубчики, – сжимал он кулак, – стоит мне раскрыть рот, и все пойдете на нары, сволочи!" Он злобно смеялся и стучал по столу. Однажды я случайно разбила бутылку, после этого он впервые избил меня. Мама с трудом вырвала меня, всю в крови, из рук "любящего" родителя. Впервые она подняла голос на него, стыдя за такое. За это тоже получила, да так, что пришлось лечиться в больнице. Участковый пригрозил ему тюрьмой, на некоторое время отец притих. Идти нам с мамой было некуда, приходилось стараться не попадаться на глаза, пока не уснет. Само собой, учиться приходилось урывками, я катилась на тройках, редко получала четвёрки, и единственная пятёрка была по пению. Петь я любила, но дома песни были запрещены, они вызывали у отца приступ мигрени. Поэтому с весны по осень я гуляла в любую погоду по лесу, мечтала, пела, в общем, старалась компенсировать бедность своей жизни. Я придумывала себе жизнь, где родители любят детей, отцы не пьют и не дерутся, но моей фантазии не хватало. На самом деле, я не знала семей, где всё хорошо. В деревне все на виду, в каждом доме имелись какие-либо проблемы. Но меня это не смущало, домой я возвращалась поздно, отец больше контролировал маму, чем меня, но всё равно попадало. Через некоторое время после возвращения из больницы мамы, отец снова взялся за старое, только старался бить так, чтобы не было следов: по голове и лицу не бил, в основном по рукам и ногам, спине. Причины находил самые простые: не так посмотрела, не то сказала, промолчала, подумала, да всё, что в большую голову придет. Мама теперь молчала, изредка стонала, но не сопротивлялась. Отцу быстро надоедало "бить бревно", как он выражался, и он шёл спать, а мама шла управляться по хозяйству. Я знала, что мы живем неправильно, но изменить ничего не могла. Когда я просила маму уйти, она пугалась и шепотом журила меня, чтобы я не смела даже думать об этом, отец же пропадет без нас. Мне кажется, я была бы этому рада, так его ненавидела, а потом стала презирать свою мать за покорную трусость и непротивление. Моя красавица мама стала похожа на старуху, а ей было чуть за тридцать: седые волосы, морщины, шаркающая походка. И только глаза голубели как прежде

на уставшем лице. Но в них читалась только покорность судьбе. Я же мечтала вырваться из ада. Жили мы, разумеется, очень бедно, ведь все деньги отдавались отцу и жёстко контролировались им. Одежду нам давали добрые люди, я стыдилась этого, особенно в старших классах, но покупки были строго лимитированы. Мне так хотелось вырваться из этого дома, всеми фибрами души я стремилась к счастью, думая, что найду его за пределами деревни. В последний год я не могла пить, есть, спать, лихорадочно изобретая способы побега. Всё упиралось в деньги, вернее, их отсутствие. Без них я не могла никуда уехать, ведь надо было где-то жить, что-то кушать. Хотя я и не избалована была едой, но организм требовал её регулярно. Я пыталась даже украсть деньги у отца, но была избита им немедленно. Потом он читал мне нотацию, что я стану воровкой и меня посадят, и правильно сделают, а он им даже наручники подержит. Мое угрюмое молчание его бесило, но он уже устал от своих нравоучений и не продолжил учить меня жизни. Я с трудом дождалась окончания 9 классов, собрала свои нехитрые вещи: пару кофточек попроще, юбку и зубную щетку, сложила всё в пакет, туда же пристроила паспорт и аттестат, к побегу была готова. Оставалось только предупредить маму и уходить, ведь на автобус денег не было. Я, глупая, собралась пешком идти в город, настолько велико было моё стремление к счастью. Мама не удивилась, тихонько поманила меня за угол и, обняв, призналась, что давно думала о том, чтобы я уехала учиться в город. Поэтому подстраховалась. Оказывается, ей немного повысили зарплату, но она откладывала надбавку, пряча у соседки, поскольку у отца был феноменальный нюх на деньги, он легко мог найти любую заначку. Простившись с мамой, я пошла к соседке, та отдала мне деньги, их было немного, но для меня целое богатство. Соседка критично оглядела меня и заставила надеть платье её дочери, которая из него выросла, а для меня, недомерка, это был просто сказочный наряд. К платью предложены были босоножки, которые выглядели намного лучше, чем мои растоптанные сандалии. Я вертелась перед зеркалом, любуясь на себя, столь внезапно преобразившуюся. Я бы так и осталась у зеркала, но тут пришёл автобус. Чуть не потеряв обувь, я помчалась к остановке, на ходу поблагодарив соседку и помахав маме, выглядывавшей из-за забора. Заскочив в пылящий "ПАЗик", я плюхнулась на место возле водителя, и не смогла сдержать глупой улыбки. В ответ шофёр тоже улыбнулся. Ободренная его доброжелательностью, я всю дорогу расспрашивала его об областном центре, замирая от восторга и собственной смелости. Странно, но я совсем не боялась ехать в незнакомый город, ничего не зная о той жизни, наивно полагая, что всё будет так, как я задумала. Водитель попался хороший, проводил меня к кассе, показал нужный мне автобус, даже телефон дал какой-то знакомой в городе. Усевшись в большой междугородний автобус, я от восторга просто онемела, мне нравилось всё, что я видела: сиденья, автоматическая дверь, закрывающаяся с тихим всхлипом, мягкий ход, даже пассажиры приводили меня в восторг, хотя, наверное, посчитали за полоумную, ведь я всё время улыбалась. Вертя головой по сторонам, чтобы ничего не пропустить, я наслаждалась поездкой. "Вот оно, счастье!" – думала я. Вот теперь всё точно будет хорошо. Как же я ошибалась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.